

* * *

Камни на быстрой реке. Не боясь,
сяду на них после долгой дороги.
Чтоб со ступней пыль смывало и грязь,
в бурную воду опущены ноги.

Воздух прогрет, и стремнина тепла,
пена шипит и спешит, оглушая
и вымывая тревоги дотла, –
гибкие мускулы волн оплетая.

В месте одном так вода стеснена,
что поднимается, вновь опадая:
так и пульсирует эта волна,
точно сердечная мышца большая.

Не шелохнусь, насыщаю глаза,
вижу на воздухе водную пыль я,
вижу: на камне сидит стрекоза,
сушит стеклянные в капельках крылья.

Камни лобастые так горячи.
Птицы крестами высоко повисли.
Чисты, нещадны, палящи лучи.
Сердце прозрачное. Полые мысли.

* * *

В морозный день, сквозь радугу ресниц,
смотри на свиристелей – нет заботы.
Внимательно послушай этих птиц,
молчи, не спрашивай, зачем и кто ты.

Согласье полное – об этом звук.
Как ты наивен со своим вопросом,
когда стоишь, пространства бедный друг,
под чудным облаком светловолосым.

Сияет луч, и мягок и колюч,
на ледяных фигурах – жёлто, гладко.
Всё чище и светлее дня загадка,
но, к счастью, от неё потерян ключ.

* * *

Июньского зноя невольно глотнёшь,
покажется город нагретой жаровней,
а след самолёта сверкает, как нож.
Становишься немногословней.

Потом на закате остывший желток
и ломтиком туча над ним золотая.
Начистишь картофель на ужин, в мешок
глазастые шкурки срезая.

Усеется влажными звёздами ширь –
покажется: лёд на крупицы расколот.
И лунного мятного пряника холод.
И вечера горький чифирь.

* * *

– Нельзя пожить и умереть.
Ещё, пожалуйста, ответь,
что ты заметил, полюбил.
– Прелестен был полёт камилл.
Задумчиво лежал валун.
И в поздний час был воздух юн.
А то, что видел я в лесу –
как шершень пожирал осу, –
то, что не мог перенести,
теперь почти забыл. Прости.

* * *

Мошка висит прозрачной сеткой,
комарик плачется, палач,
под ветром пихтовые ветки
колышутся, и свет горяч,

и под ногами медуница,
и облака над головой.
Не человеком бы родиться –
шмелём, белянкою, травой.

Я мог быть в паутине спящим
восьмиконечным пауком.
Я мог быть на свету сквозящим,
из почки лезущим листом.

Что ни представь себе – когда-то
я от подобных мне возник,
и есть расхожая цитата
про вечно ропщущий тростник.

Но я в лесу брожу без цели,
сильнее солнечный накал,
я всё яснее помню трели
тех птиц, которых не слышал.

* * *

Несправедливость испытал
и мир – как было глупо это –
самоубийством наказал.
А ночь прошла, и день настал,
и птичкой песенка запета.

Зачем стоявший в горле ком?
Петелька для чего завита?

Побрызгай дождиком, потом
ещё попороши снежком,
потом раскисни – и финита.

* * *

Солнце зимнее лучится,
радуются всё сильней
с чёрным галстуком синица,
в робкой робе воробей.

Я о смерти им талдычу,
но не слушают меня, –
делят лёгкую добычу,
по кормушке семеня.

Переполненная плошка,
и блестит на солнце снег.
Будь беспечнее немножко,
почирикай, человек.